

37987
Книгоиздательство „МОЛОТЪ“.

И. Витонскій.

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОНЫ,
И
КАКЪ ОНИ ИЗМѢНЯЮТСЯ?

Цѣна 4 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.
1906.

И. Витонскій.

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОНЫ,

И

КАКЪ ОНИ ИЗМѢНЯЮТСЯ?

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

1906.

Включена
Библиотека
Института
Б. ки. И. М. Э. Л.

200

27

Что такое законы, и какъ они измѣняются?

Не такъ давно вышла у насъ въ продажу интересная „официальная“ книжка подъ заглавiемъ: „Материалы къ изученiю рабочаго вопроса“. По официальнымъ даннымъ. Составлено въ министерствѣ финансовъ Отдѣломъ Промышленности; Марта 1905 года.

Официальныхъ изданiй выходитъ каждый годъ не мало. Но *это* официальное изданiе невольно приковываетъ къ себѣ вниманiе.

„Материалы къ изученiю рабочаго вопроса!“ Да давно ли прошло то время, когда отрицалось самое существованiе въ Россii *рабочаго вопроса*?

Давно ли отрицалась даже *возможность* возникновенiя этого вопроса при нашихъ самобытныхъ условiяхъ?

А въ мартѣ 1905 года набрали уже цѣлый томъ материаловъ къ изученiю этого, до сихъ поръ не существовавшаго будто бы вопроса. Чудеса, какъ быстро летитъ у насъ время!

Съ любопытствомъ принимаешься за чтенiе правительственнаго сборника материаловъ къ изученiю рабочаго вопроса.

Какъ всѣ наши официальные изданiя, эта книга написана неестественно приподнятымъ, безтолковымъ языкомъ канцелярскихъ „отношенiй“. Благодаря этому, простой человекъ не осилитъ ея въ годъ, а человекъ образованный, привыкшiй къ всевозможному чтенiю, можетъ одолѣть ее не иначе, какъ съ большимъ трудомъ.

Итакъ, эта книга—вполнѣ оффиціальная: невозможный языкъ, на которомъ она написана, не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія.

Какъ все наши оффиціальныя изданія, она не внушаетъ къ себѣ большого довѣрія и сразу порождаетъ мысль объ „отпискѣ“, на тему—все-моль обстоитъ благополучно. Укрѣпляется это мнѣніе и небывалымъ для оффиціального изданія заглавіемъ книжки.

Не ожидая ничего добраго изъ Назарета, читатель, интересующійся рабочимъ вопросомъ, но специально имъ не занимающійся, для изученія рабочаго вопроса, естественно, обратится къ матеріаламъ, собраннымъ гдѣ-либо подальше отъ Министерства, къ матеріаламъ, составленнымъ безкорыстнымъ изслѣдователемъ, а не „Отдѣломъ Промышленности“, и составленнымъ притомъ не по однимъ только „оффиціальнымъ“ даннымъ.

И такимъ образомъ, хорошая книга, заглавіе которой мы выписали выше, не найдетъ своего читателя. А жалъ...

Многое въ этой книгѣ можетъ служить весьма поучительнымъ матеріаломъ для изученія,—разумѣется, не *рабочаго* вопроса, но нѣкоторыхъ *другихъ* вопросовъ, очень важныхъ для рабочихъ, очень близкихъ имъ.

Рабочимъ, какъ обездоленому классу современнаго общества, часто приходится наталкиваться на неумолимое остріе жестокихъ законовъ. Страдая отъ того или иного закона, рабочій часто спрашиваетъ себя, откуда взялся этотъ законъ? Почему, зачѣмъ существуетъ онъ? Какъ измѣнить его? Какъ прекратить его примѣненіе?

Эти вопросы не могутъ не интересовать всякаго, кто страдаетъ отъ нынѣшняго правопорядка и вѣритъ въ возможность лучшаго строя.

Оффиціальныя матеріалы показываютъ намъ, что думаетъ по различнымъ вопросамъ законодатель, какъ смотритъ онъ на вещи, съ чѣмъ онъ считается, на что онъ согласенъ обращать вниманіе. Изученіе оффиціальныхъ матеріаловъ можетъ, слѣдовательно, пролить яркій свѣтъ на вопросы о

томъ, что представляютъ собою законы, и какъ они измѣняются?

Въ этомъ отношеніи особенно интересна первая часть разсматриваемой оффиціальной книжки, носящая длинное заглавіе: „*Объ измѣненіи карательныхъ статей закона, касающихся стачекъ и досрочныхъ расторженій договоровъ о наймѣ*“.

Здѣсь говорится о крайне жгучемъ для рабочихъ вопросѣ: о преслѣдованіи за мирныя стачки и за уходъ съ фабрики до истеченія срока договора. Вопросъ этотъ, самъ по себѣ, очень важенъ. Но оффиціальное освѣщеніе его интересуеть насъ, скорѣе, какъ примѣръ, иллюстрирующій довольно распространенную, благодаря „преступной пропагандѣ“, теорію классоваго законодательства. Изучивъ внимательно оффиціальное изложеніе этого вопроса, читатель пойметъ, съ какой стороны можетъ рабочій ждать помощи, кому можетъ онъ вѣрить, какъ долженъ онъ воздѣйствовать на власть.

Въ виду этого, мы считаемъ не бесполезнымъ познакомить болѣе широкій кругъ читателей со взглядами правительства на рабочее законодательство. Ниже мы приводимъ первую часть оффиціальныхъ матеріаловъ, опуская все менѣе интересное и обращая вниманіе читателя на особенно характерныя и особенно важныя мѣста и выраженія.

I.

„*Объ измѣненіи карательныхъ статей закона, касающихся стачекъ и досрочныхъ расторженій договоровъ о наймѣ*“.

„Взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими, начиная съ момента заключенія договора и оканчиваясь немедленно вслѣдъ за его прекращеніемъ, исчерпываются исключительно содержаніемъ сего договора, внѣ коего не должно существовать никакой обязательной связи или зависимости между работодателемъ и рабочимъ. Въ виду того, что основныя начала гражданскаго права признають полную

свободу заключенія договора и равенство договаривающихся сторонъ, выражающееся въ одинаковой отвѣтственности за неисполненіе договора, казалось бы, не встрѣчалось надобности въ какихъ-либо измѣненіяхъ или дополненіяхъ общаго закона, примѣнительно къ фабрично-заводскимъ рабочимъ,— но такое теоретическое соображеніе не оправдывается, однако, дѣйствительностью.

„Слишкомъ большая разниа между имущественнымъ положеніемъ предпринимателей и рабочихъ, экономическая зависимость послѣднихъ отъ первыхъ, равно какъ процессуальная сложность гражданскаго иска, не позволяютъ фабрично-заводскимъ рабочимъ фактически пользоваться условіями равноправности, которыя предоставляет имъ общій законъ. На этой почвѣ со стороны хозяевъ промышленныхъ заведеній возникали въ прежнее время многочисленныя злоупотребленія правомъ сильнаго, которыя, при постепенномъ ростѣ нашей промышленности, вызвали въ концѣ 1884 и началѣ 1885 года крупныя безпорядки въ Московской и Владимірской губерніяхъ, послужившіе основаніемъ къ изданію спеціальнаго закона 3 іюня 1886 года“.

Итакъ, злоупотребленія хозяевъ правомъ сильнаго возникали лишь въ прежнее время. Слава Богу, что теперь отъ нихъ сохранились лишь воспоминанія.

Что же касается до благодѣтельнаго закона 1886 г., то основаніемъ изданія его, по признанію оффиціальныхъ матеріаловъ, послужили рабочіе безпорядки.

Замѣть это себѣ хорошенько, читатель; въ этомъ признаніи—прямой отвѣтъ на вопросъ о средствахъ воздѣйствія на законодательство. Это признаніе отвѣчаетъ и на вопросъ о томъ, достигаютъ ли такъ называемые „рабочіе безпорядки“ своей цѣли, приносятъ ли они рабочимъ хотя бы временное и незначительное облегченіе ихъ участи.

Продолжаемъ цитировать оффиціальные матеріалы: „При разсмотрѣннн въ Государственномъ Совѣтѣ проекта сего закона, соединенные Департаменты Государственной Экономіи, Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ находили, между прочимъ, что: „волненія въ средѣ фабричныхъ рабо-

чихъ Московской и Владимірской губ. и произведенные ими на нѣкоторыхъ фабрикахъ безпорядки съ очевидностью раскрыли многія крайне неприглядныя стороны фабричнаго быта, причемъ причины, вызвавшія эти безпорядки, не имѣли вовсе случайнаго характера, а обусловливались неправильными отношеніями между фабрикантами и рабочими... Угнетенные до крайности безвыходною задолженностью хозяину, рабочіе нерѣдко бываютъ поставлены въ невозможность не только уплачивать повинности и содержать свои семьи, но даже зарабатывать достаточныя средства на личное пропитаніе. Вытекающее отсюда раздраженіе противъ фабрикантовъ, при трудности для темнаго люда отыскать законнымъ образомъ защиту своихъ правъ, постоянно поддерживаесть въ рабочихъ склонность искать возстановленія этихъ правъ путемъ стачекъ и безпорядковъ, сопровождающихся грубыми проявленіями своеволия и насилія. Накапливающееся постепенно недовольство въ средѣ фабричныхъ рабочихъ дѣлаесть эту среду доступною къ воспріятію преступныхъ ученій, направленныхъ къ ниспроверженію государственнаго и общественаго строя. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что дѣятели противоправительственной пропаганды въ послѣднее время сосредоточиваютъ вниманіе свое на фабричномъ населеніи и нерѣдко тамъ скрываются“.

Таковы причины изданія закона 1885 года, которымъ „законодатель желалъ придти на помощь слабѣйшей сторонѣ, въ смыслѣ болѣе надежнаго обезпеченія ея гражданскихъ правъ и возможности возстановленія таковыхъ, въ случаѣ ихъ нарушеній“.

Итакъ, многія крайне неприглядныя стороны фабричнаго быта были замѣчены у насъ лишь тогда, когда онѣ привели къ серьезнымъ волненіямъ. Лишь послѣ крупныхъ „рабочихъ безпорядковъ“ бюрократія рѣшается на изданіе закона, который долженъ улучшить положеніе фабричнаго люда. Законодательство рѣшается придти на помощь слабѣйшей сторонѣ лишь потому, что дѣятели противоправительственной пропаганды сосредоточили свое вниманіе на фабричныхъ рабочихъ, сѣютъ смуту, а рабочіе легко воспринимаютъ пре-

ступныя ученія и идутъ туда, куда зовутъ ихъ преступныя агитаторы.

Кому же обязанъ рабочій классъ закономъ 1886 г.? Бюрократіи, неустанно пекущейся о благѣ трудящихся? Или своимъ силамъ, направляемымъ сѣющими смуту злонамѣренными агитаторами?

Вопросъ этотъ важенъ вообще, къ какимъ бы законамъ онъ ни относился, такъ какъ, не рѣшивъ его, мы не сможемъ опредѣлить, что такое законы, и какъ они измѣняются? Но въ примѣненіи къ закону 3 Іюня 1886 года этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе, такъ какъ законъ этотъ дивно хорошъ. По крайней мѣрѣ,—въ официальныхъ матеріалахъ мы читаемъ:

„Оставляя въ сторонѣ частичныя несовершенства закона 3 Іюня 1886 года, которые частью уже исправлены, частью же имѣютъ быть исправлены въ будущемъ, нельзя не признать, что основная его цѣль, заключавшаяся въ устраненіи бывшихъ злоупотребленій и въ созданіи болѣе закономѣрныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими, достигнута вполне, и результаты дѣйствія сего закона, наблюдавшіеся въ теченіе 19-тилѣтняго его существованія, доказываютъ совершенную правильность того пути, на который встало правительство въ своихъ заботахъ объ улучшеніи положенія фабрично-заводскихъ рабочихъ и о содѣйствіи процвѣтанію промышленности вообще“.

Правда, не всѣ вѣрятъ въ искренность попечительныхъ заботъ бюрократіи. Но вѣдь на всѣхъ никогда не угодишь!

Правда, не всѣ вѣрятъ въ то, что положеніе фабрично-заводскихъ рабочихъ сильно улучшилось, благодаря мѣропріятіямъ, вышедшимъ изъ бюрократическихъ канцелярій. Но официальные матеріалы должны разсѣять сомнѣнія этихъ злонамѣренно недоумчивыхъ смутьяновъ. Въ этихъ матеріалахъ мы читаемъ:

„Сказанное улучшеніе положенія, явившееся результатомъ введенія въ дѣйствіе закона 3 Іюня 1896 года и очень хорошо извѣстное Министерству финансовъ, на основаніи имѣющагося въ его распоряженіи обширнаго матеріала, не-

однократно удостовѣрялось гг. губернаторами въ ихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ, отмѣчалось въ сужденіяхъ Государственнаго Совѣта и высказывалось, какъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ и Министромъ Юстиціи“.

Итакъ, гг. губернаторы, гг. члены Государственнаго Совѣта, г. Министръ Юстиціи и г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, однимъ словомъ, всѣ компетентныя лица, близко стоящія къ рабочему классу и постоянно готовы отстаивать его интересы, утверждаютъ, что положеніе рабочихъ улучшилось. Какое же значеніе могутъ имѣть, наряду съ этимъ авторитетнымъ разъясненіемъ, противоположныя мнѣнія самихъ рабочихъ или утвержденія злонамѣренныхъ личностей?

Разумѣется, никакого.

Съ ними не считаются, и бюрократія продолжаетъ неуклонно слѣдовать по однажды намѣченному пути...

„2 іюня 1897 года воспослѣдовало Высочайшее утвержденіе правилъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности, коими устанавливаются опредѣленныя нормы рабочаго времени для работающихъ въ нихъ рабочихъ. Законъ этотъ представляетъ собою естественное развитіе закона 3 іюня 1886 г. и устраняетъ усмотрѣніе работодателя въ столь важномъ и существенномъ вопросѣ, какъ продолжительность и распредѣленіе рабочаго времени“.

Напомнимъ мимоходомъ, что законъ 1897 г. устанавливаетъ столь широкія границы для эксплуатаціи рабочихъ, что его положительно смѣшно разсматривать, какъ ограниченіе свободы договора въ пользу рабочихъ. При свободѣ договора, которая подразумѣваетъ, между прочимъ, и полную свободу рабочихъ союзовъ и стачекъ, при отсутствіи опеки, рабочіе собственными силами установили бы несравненно болѣе выгодный для нихъ предѣлъ эксплуатаціи, чѣмъ тотъ, который установило закономъ 1897 г. пекущееся о нихъ начальство.

Но постоянно приходя на помощь рабочимъ, какъ болѣе слабой сторонѣ, начальство до сихъ поръ неустанно преслѣдовало рабочихъ за каждую попытку улучшить свое поло-

женіе. Тѣмъ не менѣе, по авторитетному свидѣтельству гг. губернаторовъ, положеніе рабочихъ, несомнѣнно, улучшилось.

Что же? тѣмъ лучше.

Въ настоящее время, идя по тому же пути, начальство рѣшило порадовать рабочихъ новой милостью.

„Въ настоящее время, въ виду обнаружившихся новыхъ недостатковъ существующихъ узаконеній о договорѣ найма на фабрики и заводы и въ особенности—въ виду событій послѣднихъ лѣтъ, является настоятельно необходимымъ сдѣлать послѣдующіе шаги усовершенствованія фабричнаго законодательства Имперіи, а именно: „1) пересмотрѣть законъ объ уголовной репрессіи за самовольный отказъ отдѣльнаго рабочаго отъ работъ до истеченія срока найма (51^а ст. Уст. о наказ.) и

2) согласовать съ требованіями жизни и указаніями опыта и науки существующіе карательные законы за стачку рабочихъ, представляющую тотъ же самовольный отказъ отъ работы, но въ составѣ отдѣльныхъ группъ рабочихъ или цѣлыхъ заведеній“.

Нечего говорить, что никакихъ новыхъ недостатковъ въ нашихъ законахъ не обнаружилось. Официальный авторъ имѣетъ въ виду все старыя-престарыя недостатки, которые существовали уже въ моментъ изданія этихъ законовъ. Когда-то эти недостатки не помѣшали законодателю издать законъ, теперь они заставляютъ его измѣнить или отмѣнить законъ, недавно изданный имъ же.

Чѣмъ объяснить это?

Полное противорѣчіе законовъ требованіямъ жизни, здравой логикѣ и всѣмъ даннымъ науки когда-то не помѣшало ихъ изданію. Съ тѣхъ поръ жизнь, наука и здравая логика непрестанно продолжали требовать прежняго. И официальные матеріалы заговорили о „согласованіи“.

Чѣмъ объяснить это?

Чѣмъ объяснить, что требованія жизни услышаны теперь бюрократіей? Объясняется это тѣмъ, что требованія жизни поддерживаются теперь грозными криками организованнаго и „преступно“-объединеннаго пролетаріата.

Какъ признается официальный авторъ, это объясняется „въ особенности событіями послѣднихъ лѣтъ“...

Читатель! ты пережилъ эти кровавыя событія. Если ты вдумывался въ нихъ, то многое, непонятное для другихъ, должно было сдѣлаться для тебя яснымъ. Ты понялъ, кто долженъ заботиться о благѣ рабочихъ.

И если ты внимательно перечелъ приведенныя выше официальные соображенія, то тебѣ легче будетъ уяснить себѣ и другой вопросъ: какъ и почему измѣняются законы.

II.

Во второй главѣ разсматриваемыхъ нами официальныхъ матеріаловъ идетъ рѣчь о законѣ, карающемъ рабочихъ тюремнымъ заключеніемъ за преждевременное расторженіе договора о наймѣ. Этотъ законъ постоянно давилъ рабочаго. И не одинъ рабочій и не разъ задавалъ себѣ вопросъ, чѣмъ оправдывается существованіе этого нелѣпаго и несправедливаго закона.

Посмотримъ, какой отвѣтъ даютъ на этотъ вопросъ официальные матеріалы?

„Одна изъ существеннѣйшихъ особенностей найма на фабрики, заводы и мануфактуры заключается въ томъ, что договаривающіяся стороны принимаютъ не вполне одинаковое участіе при заключеніи договора, вслѣдствіе чего послѣдній получаетъ нѣсколько односторонній характеръ. Работодатель не только составляетъ предлагаемыя имъ рабочему условія найма, но онъ же слѣдитъ за тѣмъ, чтобы договоръ заключался и соблюдался согласно тому порядку и по тѣмъ формамъ, кои требуются закономъ.

„Что же касается нарушеній матеріальнаго содержанія договорныхъ условій, въ смыслѣ неисполненія одной изъ сторонъ своихъ обязательствъ и причиненія другой убытковъ, то потерпѣвшій, на основаніи ст. 86 Уст. промыш. и общихъ постановленій о личномъ наймѣ (Сводъ Зак. т. X, ч. I), имѣетъ право искать съ виновнаго судомъ и требо-

вать возмѣщенія причиненнаго ущерба. Въ этомъ отношеніи, говоря вообще, юридическія права фабриканта и рабочаго совершенно одинаковы, и отвѣтственность виновной стороны опредѣляется, въ гражданскомъ порядкѣ, размѣрами причиненныхъ убытковъ“.

Въ послѣднихъ словахъ мы слышимъ старую буржуазную пѣсенку о равенствѣ фабриканта и рабочаго передъ закономъ, объ ихъ равныхъ правахъ и равной обязанности соблюдать принятые договоры и отвѣчать за ихъ нарушение. Въ Западной Европѣ критика, исходящая изъ среды рабочихъ партій, вскрыла всю лживость и лицемеріе этой пѣсенки. Мы можемъ не останавливаться здѣсь на оцѣнку ея достоинствъ. Но самобытность нашихъ русскихъ условій заключается въ томъ, что на Западѣ за этой пѣсенкой не слѣдуетъ никакихъ „но“ или „однако“, а въ нашихъ оффиціальныхъ матеріалахъ вслѣдъ за нею помѣщено „однако“, и притомъ „однако“ довольно солидныхъ размѣровъ.

„Есть, однако, случаи, представляющіе исключеніе изъ только что указаннаго нормальнаго порядка, въ коихъ, согласно дѣйствующему закону, за чисто гражданскія правонарушенія налагается отвѣтственность уголовная. Такой случай представляетъ, прежде всего, ст. 51⁴ Уст. о наказ., которая гласитъ: „За самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма или же при наймѣ на срокъ неопредѣленный, безъ предупрежденія хозяина за двѣ недѣли, виновный въ томъ, фабричный или заводскій рабочій, подвергается аресту не свыше одного мѣсяца“.

Это и есть статья, отъ которой много разъ приходилось страдать рабочимъ. Считаетъ ли бюрократія такое положеніе справедливымъ? Оффиціальные матеріалы даютъ на этотъ вопросъ вполне опредѣленный отвѣтъ.

„Если сопоставить эту статью съ примѣчаніемъ 2 къ ст. 105 Уст. о промышл., которое устанавливаетъ, что: „уволенному съ фабрики и завода, на основаніи сей (105) статьи, рабочему предоставляется въ теченіе мѣсяца обжаловать расторженіе договора суду, который, если признаетъ жалобу основательною, постановляетъ о вознагражденіи рабочаго за

понесенные имъ убытки“, то изъ сопоставленія сихъ двухъ статей совершенно очевидно, что одно и то же дѣяніе, т. е. неправильное досрочное расторженіе договора, влечетъ за собой неодинаковую отвѣтственность сторонъ: работодатель отвѣчаетъ въ гражданскомъ порядкѣ, въ размѣрѣ причиненныхъ рабочему убытковъ; рабочій же карается уголовно арестомъ до 1 мѣсяца“.

Въ каждомъ мыслящемъ и чувствующемъ человѣкѣ, еще не утратившемъ среди окружающей насъ неправды способности возмущаться по поводу явной несправедливости, это сопоставленіе вызоветъ чувство негодованія.

Непонятно, какъ могли люди, создававшіе наши законы, установить такое вопіющее неравенство положеній рабочаго и фабриканта. Разумѣется, они не вѣдали, что творили... Но нѣтъ!

Съ крайнимъ удивленіемъ узнаемъ мы изъ официальныхъ матеріаловъ, что рассматриваемая неправда создана вполне сознательно, при полномъ сознаніи, что совершается величайшая несправедливость.

„Такое коренное противорѣчіе съ характеромъ договорныхъ отношеній, основанныхъ на добровольномъ соглашеніи и потому опредѣляемыхъ исключительно по началамъ гражданского права, вполне ясно сознавалось при возникновеніи рассматриваемой статьи и даже прямо указывалось въ представленіи М. В. Д. Госуд. Сов. отъ 14 мая 1885 г. за № 1105, но тѣмъ не менѣе необходимость введенія уголовного наказанія за нарушеніе договоровъ фабрично-заводскими рабочими мотивировалась соображеніями совершенно исключительными“.

Какія же это были соображенія? Конечно, они должны были быть „совершенно исключительны“ и чрезвычайно серьезны и чрезвычайно вѣски, чтобы ради нихъ рѣшиться стать въ коренное противорѣчіе съ основными принципами своей дѣятельности. Конечно, эти соображенія должны были обладать „совершенно исключительной“ силой, чтобы склонить законодателя, творца и хранителя справедливости, къ очевидно несправедливому поступку.

Каковы же эти „совершенно исключительныя“ соображенія? Вот какъ излагаютъ намъ ихъ официальные матеріалы:

„Недостаточное обезпеченіе при исполненіи договора личнаго найма на фабрикахъ можетъ (!!) иногда (!!!) угрожать (!) общественному порядку и спокойствію“, вслѣдствіе чего „привлеченіе рабочаго, самовольно оставившаго работу на фабрикѣ, къ личной отвѣтственности составляетъ мѣру, оправдываемую цѣлями государственными, охраненіе которыхъ лежитъ на обязанности правительства“.

Итакъ, на обязанности правительства лежитъ охраненіе общественнаго порядка и спокойствія. Изъ этой обязанности правительства вытекаетъ его право принимать мѣры противъ лицъ, нарушившихъ порядокъ и спокойствіе. Но „самовольнымъ“ уходомъ съ фабрики рабочей ни тишины, ни порядка не нарушаетъ?!

Тѣмъ не менѣе, онъ долженъ быть наказанъ, т. к., если спустить ему его „самовольство“, то и другіе начнутъ „самовольничать“, и въ результатѣ, договоръ личнаго найма на фабрикахъ окажется „недостаточно обезпеченнымъ“. Но въѣдъ и „недостаточное обезпеченіе“ договора найма фабричныхъ рабочихъ ни мало еще не нарушаетъ тишины и спокойствія.

Государственный Совѣтъ этого и не предполагаетъ...

Недостаточное обезпеченіе договора не угрожаетъ даже нарушеніемъ тишины и спокойствія. И на этомъ Государственный Совѣтъ настаиваетъ...

Но, видите ли, недостаточное обезпеченіе договора найма иногда (замѣтьте: только иногда) можетъ (замѣтьте: законодатель признается, что только можетъ, а не должно) угрожать нарушеніемъ порядка и спокойствія.

А если не карать уголовнымъ порядкомъ рабочаго, нарушившаго договоръ, то договоръ окажется недостаточно обезпеченнымъ.

Таковы тѣ „совершенно исключительныя“ соображенія, которыя заставили законодателя встать въ коренное противорѣчіе со своими основными принципами, которые застави-

ти ихъ совершить сознательную и очевидную, вопіющую несправедливость: безъ этой несправедливости можетъ создаться положеніе, при которомъ иногда, быть можетъ, будетъ появляться возможность нарушенія того, охраненіе чего лежитъ на обязанности правительства,—возможность нарушенія порядка и спокойствія.

Читатель, незнакомый съ тѣмъ, что представляютъ собой законы, и почему они существуютъ, остановится, пораженный той несправедливостью, которую мы раскрыли передъ нимъ. Объ обманѣ и подтасовкѣ съ нашей стороны не можетъ быть и рѣчи, т. к. мы только и дѣлаемъ, что цитируемъ и затѣмъ поясняемъ официальные матеріалы. Читатель, уяснившій себѣ каждое выраженіе этихъ матеріаловъ, переведшій ихъ съ канцелярскаго языка на человѣческій, не обвинитъ насъ и въ тенденціозности, въ преувеличеніяхъ. Но мы опасаемся, что многіе читатели, незнакомые съ законами, вообразятъ, что соображенія, представленныя 14-го мая 1885 года Государственному Совѣту, дѣйствительно „совершенно исключительны“.

Ничуть не бывало.

Большинство несправедливыхъ законовъ, угнетающихъ рабочій классъ, основывается, приблизительно, на такихъ же серьезныхъ соображеніяхъ. Соображенія за № 1105 изложены только слишкомъ откровенно или слишкомъ небрежно, т. е. все разсужденіе оказалось шитымъ бѣлыми нитками. Но сущность его вслѣдствіе этого ни мало не измѣнилась. Поэтому оно является отличнымъ примѣромъ для выясненія природы законовъ. Очевидно, для законодателя доводы справедливости и здраваго смысла не имѣютъ никакого значенія. Очевидно, что не логика и не стремленіе къ справедливости руководили имъ, а интересы. А такъ какъ созданный этими интересами законъ съ очевидной ясностью направлень противъ одного опредѣленнаго класса, то ясно, что люди, создавшіе этотъ законъ, прислушивались къ голосу классовыхъ интересовъ.

Въ другихъ законахъ ихъ классовой характеръ болѣе или менѣе ловко замаскированъ болѣе или менѣе удачны-

ми соображеніями справедливости или здраваго смысла. Но по существу большинство законовъ, несправедливость которыхъ ощущается рабочимъ классомъ, ничуть не отличается отъ того закона, который обсуждался 14-го мая 1885 года въ Государственномъ Совѣтѣ. Такимъ образомъ, официальные матеріалы отлично иллюстрируютъ теорію классоваго законодательства и классоваго государства.

Впрочемъ, въ настоящее время правительство считаетъ уже соображенія законодателей 1885—1886 гг. совершенно неправильными. Официальный авторъ, съ интересной работой котораго мы стараемся познакомить читателей, рѣшительно опровергаетъ всѣ соображенія, оправдывающія существованіе 51⁴ статьи улож. о наказ.

Часть его доводовъ настолько элементарна, что странно приводить ихъ. Другіе доводы носятъ спеціально юридическій характеръ и неинтересны для читателей, заранее убѣжденныхъ въ томъ, что наказывать рабочихъ за стачки не слѣдуетъ.

Во всякомъ случаѣ, официальный авторъ великолѣпно доказываетъ, что существованіе ст. 51⁴, подвергающей уголовной карѣ рабочаго, нарушившаго договоръ о наймѣ, совершенно безсмысленно, что самая статья представляетъ собой величайшую нелѣпость.

Вотъ одно изъ замѣчаній нашего официального автора.

„То соображеніе, что рабочіе, бросающіе работу, очевидно, принадлежатъ къ разряду недовольныхъ, и что по-сему существуетъ отдаленная вѣроятность внѣшняго безпорядка, также не выдерживаетъ критики, ибо карать только за предполагаемый, но еще не совершенный безпорядокъ, конечно, нельзя; подобная вѣроятность нарушенія порядка существуетъ всегда и повсюду и не можетъ почитаться зависящей непосредственно и исключительно отъ личнаго договора о наймѣ“.

Эти соображенія такъ элементарны, такъ очевидны, что странно, зачѣмъ, для кого приводилъ ихъ намъ официальный авторъ. Но чтобы не судить его слишкомъ строго, лишнимъ будетъ напомнить, что до этихъ соображеній у

насъ додумались лишь въ нынѣшнемъ, 1905, году. До сихъ поръ этихъ соображеній какъ будто бы не существовало вовсе.

Очевидно, въ умѣ нашихъ законодателей произошелъ за послѣднее время какой-то рѣшительный переворотъ, послѣ котораго они начали, вмѣстѣ съ другими, называть чернымъ то, что до сихъ поръ казалось имъ бѣлымъ. Интересно опредѣлить причины этого переворота во взглядахъ законодателей. Мы часто добиваемся измѣненія того или друго-го закона, часто стараемся подѣйствовать на законодателя. Но при этомъ мы часто не знаемъ, какіе доводы дѣйствуютъ на него.

И, опредѣливъ причины измѣненія взглядовъ законодателя въ 1905 г., мы будемъ знать, чѣмъ и какъ подѣйствовать на него, умилостивить его, когда это будетъ намъ необходимо. И оффиціальныя матеріалы не стараются скрывать причины, вызвавшія измѣненія взглядовъ законодателя,—можетъ быть, потому, что скрыть ихъ все равно невозможно.

„Установленное закономъ неравенство отвѣтственности фабрикантовъ—съ одной стороны и рабочихъ—съ другой приносить несомнѣнный вредъ, укрѣпляя въ рабочихъ убѣжденіе въ несправедливомъ отношеніи къ нимъ законодательства. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, понять, почему всѣ люди вообще, отдающіе свой трудъ на началахъ свободнаго договора, могутъ оставить до истеченія срока найма невыгодное для нихъ мѣсто, рискуя при этомъ лишь гражданской отвѣтственностью, тогда какъ фабрично-заводской рабочей за совершенно такой же поступокъ подвергается наказанію уголовному“.

Итакъ, возмутительная несправедливость въ глазахъ бюрократіи сама по себѣ не является вредомъ. Она становится вредомъ лишь съ того момента, когда рабочіе приходятъ къ сознанію ея, когда она вооружаетъ рабочихъ противъ правительства.

Итакъ, какимъ же аргументамъ доступно законодательство: аргументамъ права или аргументамъ силы? Охраняетъ

ли оно добровольно интересы рабочих или только тогда вспоминает о них, когда рабочие заставляют его вспомнить?

Можно много спорить о томъ, насколько справедливо мнѣніе рабочихъ о классовомъ характерѣ гнетущихъ ихъ законовъ. Оффиціальныя матеріалы довольно убѣдительно доказываютъ, что это мнѣніе не вполнѣ ложно, и находятъ вѣскія подтвержденія себѣ въ дѣйствительныхъ условіяхъ нашей жизни.

Конечно, „злонамѣренныя агитаторы“ использовали эти условія въ своихъ интересахъ и во вредъ рабочихъ и государства; конечно, недовольство рабочихъ въ значительной степени является плодомъ „преступной пропаганды“, но несомнѣнно, что бюрократія сильно озабочена растущимъ недовольствомъ рабочихъ, и очень, очень хотѣла бы убѣдить рабочихъ въ полной своей справедливости и благожелательности.

Ради этого она готова даже на огромную жертву, готова отмѣнить законъ, который она признала, по этому поводу, нелѣпнымъ, бессмысленнымъ и несправедливымъ.

Поэтому оффиціальныи авторъ оканчиваетъ разборъ ст. 51⁴ слѣдующимъ характернымъ замѣчаніемъ:

„Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, эта статья порождаетъ среди фабрично-заводскихъ рабочихъ прочное убѣжденіе въ несправедливомъ отношеніи къ нимъ закона, въ чемъ и заключается ничѣмъ не поправимый вредъ сей статьи, заставляющей желать полной ея отмѣны“.

Итакъ, дѣло совершенно ясно. Отмѣна данной статьи желательна не потому, что статья эта нелѣпа, бессмысленна, несправедлива; не потому, что она интересы миллионныхъ рабочихъ массъ приноситъ въ жертву интересамъ барыша и спокойствія кучки эксплуататоровъ-капиталистовъ.

Нѣтъ, всего этого еще далеко, далеко не достаточно для того, чтобы заставить бюрократію желать отмѣны статьи.

Непоправимый вредъ этой статьи—усиленіе среди рабочихъ духа недовольства, убѣжденія въ несправедливомъ отношеніи къ нимъ со стороны правительства.

А какъ извѣстно изъ сотенъ и тысячъ правительствен-

ныхъ официальныхъ сообщеній, недовольство въ средѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ является результатомъ преступной агитаціи.

Итакъ, бюрократія отмѣняетъ гнусную—по ея же собственному признанію—статью законовъ лишь подъ давленіемъ успѣховъ „преступной пропаганды“ среди рабочихъ.

Итакъ, читатель видитъ, какіе законы могутъ держаться и дѣйствовать въ государствѣ, и когда, подъ вліяніемъ какихъ воздѣйствій, эти законы измѣняются или отмѣняются совсѣмъ.

Сознательные рабочіе извѣрились въ существующемъ строѣ, поняли, что отъ него имъ нечего ждать.

И они уходятъ отъ этого строя...

Но часто и въ предѣлахъ нашего правопорядка они нуждаются въ законодательной помощи.

Куда-же—налѣво или направо—обратиться имъ въ такихъ случаяхъ?

Гдѣ ихъ спасеніе? Официальные матеріалы помогаютъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Разберемъ поэтому и третью главу этихъ любопытныхъ матеріаловъ.

III.

Въ третьей главѣ наши официальные матеріалы говорятъ о вопросѣ, представляющемъ для рабочихъ еще болѣе жгучій интересъ, чѣмъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи досрочнаго расторженія найма. Въ третьей главѣ матеріаловъ идетъ рѣчь о наказаніи рабочихъ за стачку. Вотъ текстъ разбираемыхъ здѣсь статей законовъ:

Статья 1358. „За стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истеченія условленнаго съ содержателями сихъ заведеній времени для того, чтобы принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой имъ платы, виновные подвергаются:

„аресту: зачинщики—отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а прочіе—отъ семи дней до трехъ недѣль“.

Статья 1358¹. За прекращеніе работъ на фабрикѣ или заводѣ по стачкѣ между собою рабочихъ, съ цѣлью принужденія фабриканта или заводчика къ повышенію заработной платы или измѣненію другихъ условій найма, до истеченія срока послѣдняго, виновные подвергаются:

„подстрекавшій къ начатию или продолженію стачки—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, а прочіе участники—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Участники стачки, прекратившіе такую и приступившіе къ работамъ по первому требованію полицейской власти, отъ наказанія освобождаются“.

Съ теченіемъ многихъ лѣтъ, въ силу этихъ законовъ, рабочіе лишались своихъ наиболѣе вліятельныхъ товарищей (зачинщиковъ, подстрекателей, говоря оффиціальнымъ языкомъ), лишались ихъ въ тѣ минуты, когда всего болѣе нуждались въ ихъ совѣтахъ и указаціяхъ, въ ихъ словахъ ободренія. Въ теченіе многихъ лѣтъ, въ силу этихъ законовъ, бюрократія бросала въ тюрьмы лучшихъ представителей рабочаго класса, лучшихъ выразителей его стремленій.

Насколько же разумны эти законы?

По этому вопросу рабочимъ не разъ приходилось слышать сужденія дѣятелей преступной пропаганды. Но слова этихъ враговъ Царя и Отечества не могутъ, разумѣется, имѣть въ глазахъ вѣрноподданныхъ рабочихъ такого вѣса, какъ сужденіе оффиціальной власти.

Вотъ, что говорятъ объ этихъ законахъ матеріалы.

„Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ статей представляется не вполнѣ яснымъ—что же, собственно, ближайшимъ образомъ караетъ законъ: предварительный ли уговоръ между рабочими, элементы ли насилія, выражающіеся въ угрозахъ, или же самый фактъ прекращенія работъ“.

Итакъ, въ теченіе многихъ лѣтъ начальство арестовывало рабочихъ, хватало ихъ главарей, бросало ихъ въ тюрь-

мы, не зная, за что, собственно, подвергаетъ оно ихъ этимъ карамъ.

Ст. 1358 какъ бы подтверждаетъ предположеніе о томъ, что составъ преступленія заключается именно въ наличности предварительнаго уговора (т. е. стачки въ тѣсномъ значеніи слова) и элементовъ принужденія хозяевъ къ повышенію заработной платы. Статья же 1358¹ въ своемъ послѣднемъ абзацѣ указываетъ, что участники уже осуществившейся стачки освобождаются отъ какой бы то ни было отвѣтственности, если только они по первому требованію полицейской власти возобновятъ прерванные работы. По смыслу сей послѣдней статьи, наказуемымъ элементомъ является лишь осуществленное прекращеніе работъ, но не фактъ стачки (уговора) и не фактъ давленія на хозяина. Если бы было иначе, т. е. если бы запрещалось и каралось вообще дѣяніе стачки или принудительнаго воздѣйствія на хозяина, то участники осуществившейся стачки не могли бы быть освобождаемы отъ наказанія вполнѣ; согласно съ общими началами уголовного права, они, освобождаясь отъ отвѣтственности по ст. 1358¹, должны были бы подвергаться таковой по ст. 1358, ибо преступное намѣреніе у нихъ, во всякомъ случаѣ, было.

„Изъ изложеннаго получаютъ слѣдующія противорѣчія въ законѣ: цѣль, преслѣдуемая рабочими посредствомъ забастовокъ, т. е. возвышеніе заработной платы, сама по себѣ не считается по закону преступной; предварительный уговоръ (стачка) наказуется лишь въ томъ случаѣ, если онъ не былъ еще приведенъ въ исполненіе; если же послѣднее осуществилось, но забастовка была прекращена по требованію полицейской власти, то тотъ же самый уговоръ... становится уже наказуемымъ“.

Итакъ, официальные матеріалы показываютъ, что наши законы противъ стачекъ представляютъ собою такую путаницу, въ чемъ, какъ говорится, самъ чортъ на разберется.

Если самой власти не все въ этихъ законахъ представляется вполнѣ яснымъ, то немудрено, что и разсужденіе официальнаго автора объ этихъ законахъ не отличается

большой удобопонятностью и ясностью. Между прочимъ, его разсужденіе оставляетъ совершенно необъясненнымъ появленіе послѣдней части ст. 1358¹.—А объяснить происхожденіе этого бессмысленнаго абзаца и дѣли, преслѣдуемая имъ, нетрудно.

Этотъ абзацъ обѣщаетъ освобожденіе отъ наказанія тѣмъ рабочимъ, которые первые измѣняютъ товарищамъ и, соблазнившись предлагаемой имъ милостью, вопреки соглашенію съ товарищами, послушно примутся за работу. Этотъ абзацъ обѣщаетъ рабочимъ премію, награду за трусость, за измѣну, за подлость *). Цѣль его—развратить рабочихъ, ослабить узлы солидарности, связывающія ихъ.

Подвергая жестокимъ гоненіямъ лучшихъ представителей рабочаго класса, составитель закона, вполне послѣдовательно, изобрѣтаетъ особыя средства поощренія для отбросовъ, отщепенцевъ пролетаріата.

Оффиціальному автору, стоящему на строго юридической точкѣ зрѣнія, это представляется бессмысленнымъ.

Съ идеальной точки зрѣнія, и мы, разумѣется, не можемъ не считать этихъ законовъ нелѣпыми. Но, становясь на точку зрѣнія классовыхъ противорѣчій, смотря на бюрократію, какъ на естественнаго врага пролетаріата, мы, по крайней мѣрѣ, понимаемъ, откуда произошли эти нелѣпости.

Итакъ, оффиціальные матеріалы признали существующіе законы противъ стачекъ бессмысленными. Послѣдуемъ далѣе за нашимъ авторомъ, и мы увидимъ, что власть считаетъ эти законы не только нелѣпыми, но и несправедливыми.

„Гражданское правонарушеніе, обусловливаемое забастовкой (если она происходитъ до истеченія срока найма) заключается въ неисполненіи рабочими принятыхъ на себя договорныхъ обязательствъ и, какъ таковое, должно бы разрѣшаться гражданскимъ порядкомъ“.

Для уголовного преслѣдованія забастовщиковъ нельзя подыскать никакого оправданія:

*) Въ книгахъ этотъ поступокъ называется иногда штрейкбрехерствомъ.

„Всякая забастовка, составляющая, несомнѣнно, нарушение обычнаго, нормальнаго хода работъ въ промышленномъ заведеніи, хотя бы даже имѣющая послѣдствіемъ пріостановку дѣйствія заведенія, не составляетъ еще нарушенія порядка общественнаго... совершенно подобно тому, какъ прекращеніе прикащиками торговли въ какомъ либо магазинѣ, отказъ отъ службы домашней прислуги и т. п. никогда не трактуются, какъ нарушеніе общественнаго порядка.

„Съ другой стороны, забастовка не можетъ почитаться актомъ непосредственнаго принужденія, заключающимъ въ себѣ элементъ насилія. Если слѣдствіемъ поступка рабочихъ являются убытки хозяина, то эти убытки совершенно такого же характера, какъ и тѣ, которые являются слѣдствіемъ отказа отъ срочной поставки, по условленной цѣнѣ, какихъ либо товаровъ, въ чемъ никогда не усматривается уголовной вины. Если въ торговлѣ товарами несоблюденіе договорныхъ условій не трактруется, какъ элементъ насилія или нарушенія общественнаго порядка... то нѣтъ никакихъ основаній совершенно тождественныя нарушенія въ торговлѣ трудомъ карать уголовно“.

Итакъ, по признанію оффиціальной власти, въ теченіе многихъ лѣтъ тысячи рабочихъ преслѣдовались уголовно и томились въ тюрьмахъ безъ всякаго на то основанія.

Это полезно запомнить, чтобы знать, что такое законы.

Далѣе наши матеріалы указываютъ, что суды, „сознавая юридическую и этическую несправедливость въ отношеніи формальнаго права къ жизни“, не караютъ рабочихъ за оборонительныя стачки, но продолжаютъ преслѣдовать ихъ стачки наступательныя.

Къ такой практикѣ судовъ матеріалы откосятся отрицательно.

„Подобная неодинаковость отвѣтственности, по существу своему, несправедлива; для рабочихъ же она остается, кромѣ того, вполне непонятной, ибо они не въ состояніи разобратъся въ юридическихъ тонкостяхъ и потому остаются въ полномъ убѣжденіи о произволѣ тѣхъ властей, отъ ко-

торыхъ зависитъ опредѣленіе характера ихъ проступка и порядка привлеченія къ отвѣтственности“.

Итакъ, сами власти признають положеніе безсмысленнымъ и несправедливымъ. Но если рабочіе заключаютъ изъ этого положенія о произволѣ властей, то это объясняется неспособностью рабочихъ разобраться въ юридическихъ тонкостяхъ.

Правда, убѣжденіе рабочихъ о произволѣ властей раздѣляется всѣми неофициальными учеными и юристами, но, очевидно, и тѣ не въ состояніи разобраться въ юридическихъ тонкостяхъ нашей бюрократической стряпни, которая даже бюрократамъ, какъ мы могли убѣдиться изъ разсматриваемыхъ матеріаловъ, иногда бываетъ не вполне ясна.

Далѣе, официальный авторъ наноситъ еще цѣлый рядъ тяжкихъ ударовъ разсматриваемымъ законамъ. Въ этихъ законахъ обнаруживается столько нелѣпостей (официальный авторъ мягко называетъ ихъ „юридическими недоразумѣніями“ и противорѣчіями), столько несообразностей, что становится вполне понятнымъ, что уразумѣть ихъ въ полной мѣрѣ совершенно невозможно.

Наконецъ, помимо всего, мы узнаемъ, что эти милые законы существуютъ лишь для украшенія свода законовъ, но на практикѣ почти не примѣняются.

„Наконецъ, помимо всѣхъ указанныхъ юридическихъ недоразумѣній по вопросу о преслѣдованіи участниковъ стачекъ на основаніи карательныхъ постановленій закона, самымъ главнымъ препятствіемъ къ примѣненію судебныхъ каръ къ забастовщикамъ служитъ фактическая трудность осуществленія правосудія. Изъ собранныхъ за послѣднее десятилѣтіе статистическихъ свѣдѣній о стачкахъ усматривается, что изъ году въ годъ число участниковъ стачекъ составляетъ десятки тысячъ человекъ, въ нѣкоторые годы число это подымается до ста тысячъ, а въ нынѣшнюю стачку 1905 года число забастовщиковъ, вѣроятно, превосходитъ нѣсколько сотенъ тысячъ рабочихъ. При подобныхъ условіяхъ, очевидно, осуществленіе разрѣшенія дѣлъ судебнымъ порядкомъ становится невозможнымъ, и карательные законы

о стачкахъ превращаются въ мертвую букву, только колеблющую авторитетъ непримѣняемаго и безсильнаго закона“.

Мы находимъ здѣсь недурной рецептъ того, какъ сдѣлать несправедливый и нелѣпый законъ непримѣняемымъ и безсильнымъ. Существуетъ законъ, грозящій стачечникамъ тяжелой карой. Но стачки не прекращаются. Въ борьбѣ за свои права, за свое человѣческое достоинство, рабочіе не останавливаются передъ страхомъ наказанія, не боятся темницъ и цѣпей...

И законъ превращается въ мертвую букву!..

Замѣть это себѣ, читатель: здѣсь скрытъ хорошій урокъ для будущаго. Законъ превратился въ мертвую букву... Но у власти существуютъ и другіе органы насилія, кромѣ судовъ. И положеніе рабочаго пока мало улучшилось.

„Вслѣдствіе всего вышеуказаннаго, во взглядахъ Правительства съ 1897 года установилась, повидимому, опредѣленная точка зрѣнія на стачки и мѣры борьбы съ ними. Забастовки признаны безусловно вредными для общественнаго порядка, и мѣры борьбы съ ними, въ виду непримѣнимости судебного разсмотрѣнія, перенесены въ область административнаго воздѣйствія“.

А что такое „административное воздѣйствіе“, всё мы хорошо знаемъ: это грубая физическая сила полицейской власти.

„При указанныхъ условіяхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ практическая дѣятельность полиціи, ибо, по дѣйствующему закону, на ней именно лежитъ обязанность водворенія нарушеннаго порядка.“

„По взглядамъ полицейскихъ органовъ, всякая забастовка разсматривается прежде всего и непременно, какъ нарушеніе общественнаго порядка и спокойствія“.

Въ настоящее время бюрократія находитъ такое положеніе вещей совершенно неправильнымъ.

„Если бы существовало болѣе спокойное отношеніе къ фактамъ прекращенія работъ на фабрикахъ и заводахъ, и забастовки не отождествлялись съ нарушеніями общественнаго порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинныя

причины таковыхъ, отдѣлять законные и справедливые поводы отъ незаконныхъ и неосновательныхъ и принимать соотвѣтственные мѣры къ миролюбивому соглашенію сторонъ; при подобномъ, болѣе нормальномъ, порядкѣ мѣры пресѣченія и подавленія принимались бы лишь тогда, когда были бы налицо факты, удостовѣряющіе дѣйствительность беспорядка. Въ настоящее же время, когда каждая забастовка, какъ таковая, трактуется, какъ нарушеніе общественнаго порядка, совершенно естественно, что она должна быть немедленно прекращена, а порядокъ возстановленъ, независимо отъ того, достаточно ли выяснились причины и обстоятельства, вызвавшія забастовку... и были ли вообще нарушенія общественнаго порядка, въ общепринятомъ значеніи этого понятія. На эту сторону дѣла полиція обыкновенно не обращаетъ вниманія, будучи всецѣло поглощена своей специальной задачей“.

А свою специальную задачу полиція понимаетъ своеобразно, но очень просто,—согласно съ общимъ полицейскимъ принципомъ: „цыць“!

„Для достиженія своей цѣли, полицейскіе органы дѣйствуютъ обыкновенно двояко: 1) немедленно же принимаютъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы заставить прекратившихъ работы рабочихъ вновь приняться за таковыя (принудительный расчетъ, аресты, высылки, до употребленія военной силы включительно), или же 2) когда есть къ тому возможность, воздѣйствуютъ на владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, дабы принудить ихъ сдѣлать уступки заявленнымъ во время забастовки требованіямъ рабочихъ, добиться скорѣйшаго возобновленія работъ и такимъ образомъ возстановить нарушенный порядокъ“.

Оффиціальныя матеріалы не даютъ подробнаго перечисленія средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ полиція для воздѣйствія на предпринимателей, такъ что мы не знаемъ, доходятъ ли эти средства до разстрѣла предпринимателей, съ ихъ семьями включительно. Кажется, до этого дѣло до сихъ поръ не доходило...

Итакъ, въ случаѣ стачекъ, заботясь о возстановленіи на-

рушеннаго порядка, власти разстрѣливали рабочихъ и когда это было возможно, въ видѣ крайней, исключительной мѣры, усовѣщали хозяевъ. Что же? Съ каждымъ классомъ классовое государство и должно говорить особымъ языкомъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго... Но, повидимому, полицейскому разрѣшенію стачекъ приходитъ скорый конецъ. Канцеляріи пришли къ сознанию его нежелательности.

Скоро измѣнится невыносимое, ненавистное положеніе. И для рѣшенія интересующихъ насъ вопросовъ о сущности законовъ и о средствахъ ихъ измѣненія очень важно уяснить себѣ оффиціальную мотивировку этого измѣненія.

„Нельзя сказать, чтобы хотя одинъ изъ двухъ пріемовъ былъ удобенъ. Первый нежелателенъ, какъ всякая репрессія вообще, и въ особенности потому, что мѣры пресѣченія, не соотвѣтствующія экономическому характеру возникшаго осложненія, не даютъ возможности разобраться въ предъявляемыхъ рабочими требованіяхъ, препятствуютъ удовлетворенію законнѣйшихъ изъ нихъ и поселяютъ въ средѣ рабочихъ озлобленіе. Второй же пріемъ укрѣпляетъ въ рабочихъ крайне вредное убѣжденіе въ томъ, что забастовка есть важнѣйшее средство добиться исполненія своихъ желаній во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, законны ли они и справедливы, или же совершенно незаконны и навѣяны извнѣ“.

Оставляя въ сторонѣ чисто субъективное сужденіе оффиціального автора о законности или незаконности желаній рабочихъ, и о томъ, откуда эти желанія навѣяны, мы можемъ изъ приведенной цитаты совершенно ясно опредѣлить, почему рѣшились отказаться отъ практиковавшихся до сихъ поръ способовъ разрѣшенія стачекъ. Эти способы разрѣшенія споровъ между рабочими и предпринимателями вели къ росту недовольства среди рабочихъ—съ одной стороны, къ росту ихъ требовательности—съ другой.

Другими словами—правительство рѣшилось измѣнить свое отношеніе къ рабочимъ, въ виду роста революціоннаго духа борьбы среди пролетаріата. Оффиціальнѣй авторъ высказы-

ваетъ это со всей ясностью, какой мы только можемъ требовать отъ официальныхъ матеріаловъ.

И съ каждой слѣдующей фразой матеріаловъ становится все яснѣе и яснѣе, что рабочимъ дѣлаются уступки лишь изъ-за страха передъ освободительнымъ движеніемъ пролетаріата, что бюрократія готова отказаться отъ своихъ прежнихъ пріемовъ, лишь въ виду ихъ возбуждающаго дѣйствія на настроеніе рабочихъ.

„Исторія забастовокъ, происходившихъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, даетъ много примѣровъ того вреда, который является результатомъ стремленія быстрого подавленія возникшихъ усложненій какою бы то ни было цѣною. Поспѣшно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобленіе среди совершенно спокойныхъ до сего рабочихъ, что приходилось пускать въ дѣло казаковъ, послѣ чего, разумѣется, не могло быть и рѣчи объ удовлетвореніи даже законныхъ пожеланій забастовавшихъ. Съ другой стороны, случаи быстрого удовлетворенія незаконныхъ требованій рабочихъ посредствомъ воздѣйствія на фабрикантовъ вызывали немедленно же аналогичныя стачки въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ приходилось примѣнять уже не систему уступокъ, а военную силу, что бывало для рабочихъ совершенно непонятнымъ и поселяло увѣренность въ несправедливомъ къ нимъ отношеніи и произволѣ властей“.

Какъ хороши эти „приходилось пускать въ дѣло казаковъ“, „приходилось примѣнять военную силу“, въ устахъ человѣка, признающаго, что жертвы этихъ звѣрскихъ насилій пострадали совершенно невинно! Какъ хорошо признаніе автора, что не можетъ быть и рѣчи объ удовлетвореніи законныхъ пожеланій рабочихъ, которымъ власти отвѣтили на выраженіе этихъ законныхъ пожеланій насиліями, насиліями, настолько возмутительными, что негодованіе противъ нихъ сдѣлало опасными людей, державшихся до сихъ поръ совершенно спокойно. Какой возвышенной справедливостью проникнуть, повидимому, нашъ официальный авторъ!

Но, отдавая должное его чувству справедливости, мы не можемъ въ то же время не отмѣтить одной маленькой фактической неточности въ его изложеніи. Не вполне вѣрно его утвержденіе, что отношеніе бюрократіи къ рабочимъ является для послѣднихъ непонятнымъ, загадочнымъ. Въ настоящее время большинство рабочихъ уже поняло отношеніе къ нимъ канцелярій. А для тѣхъ рабочихъ, которые не усвоили еще достаточно твердо теоріи классоваго государства и классоваго законодательства, являются полезнымъ и поучительнымъ чтеніемъ официальные матеріалы, предлагаемые въ настоящей книжкѣ.

Эти матеріалы доказываютъ, между прочимъ, и то, что за насилія, претерпѣваемые рабочими, отвѣтственность падаетъ не на отдѣльные органы власти, но на весь бюрократическій строй.

„Если законъ признаетъ за всякой забастовкой и за всякимъ досрочнымъ отказомъ отъ работъ нѣчто, выходящее изъ предѣловъ гражданскихъ отношеній, и наказуемое уголовно, какъ нарушеніе общественнаго порядка, то высшія административныя власти идутъ еще дальше и придаютъ всѣмъ случаямъ стачекъ и забастовокъ значеніе прямо государственное, достойное того, чтобы возникающія по нимъ дѣла направлять въ порядкѣ положенія объ охранѣ“.

Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣло правительство на стачки до самаго послѣдняго времени. Но въ послѣднее время взглядъ правительства и на этотъ вопросъ измѣнился самымъ радикальнымъ образомъ. Въ матеріалахъ, составленныхъ въ министерствѣ въ мартѣ 1905 года, мы уже читаемъ нѣчто совершенно иное, совершенно новое.

„Въ сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насиліями надъ имуществомъ и личностью) есть явленіе чисто экономическое, вполне естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствію. Охрана послѣдняго въ этихъ случаяхъ должна бы выражаться въ формахъ, подобныхъ практикуемымъ во время народныхъ гуляній, торжествъ, зрѣлищъ и т. под. случаямъ, обусловливающихъ скопленіе въ одномъ мѣстѣ необычно

большого количества людей, т. е. въ усиленіи личнаго состава и бдительности блюстителей порядка, на случай проявленій какихъ-либо насилій и дѣйствительнаго (а не возможнаго только) нарушенія общественнаго порядка“.

Поразительно рѣзкій поворотъ во взглядахъ канцеляріи заставляеть насъ искать причины этого страннаго, внезапнаго просвѣтлѣнія власти.

Лишь зная эти причины, мы поймемъ, какими доводами воздѣйствовать на составителя закона. Изъ второй главы мы уже знаемъ, что такими доводами, во всякомъ случаѣ, не могутъ быть соображенія справедливости и здраваго смысла. До сихъ поръ мы могли наблюдать лишь одинъ случай отступленія, случай отступленія передъ силой, отступленія изъ-за страха передъ растущимъ недовольствомъ рабочихъ массъ. Изъ-за страха, бюрократія рѣшила разстаться со ст. 51⁴. Изъ-за страха она желаетъ отмѣнить ст. 1358 и 1358¹. Не тѣ ли же побужденія заставляютъ измѣнить и методы полицейскаго улаживанія стачекъ?

Что-то говорятъ по этому вопросу наши официальные матеріалы?

„Что касается до того обстоятельства, что „накопляющееся постепенно недовольство въ средѣ фабричныхъ рабочихъ дѣлаеть эту среду доступною къ воспріятію преступныхъ ученій, направленныхъ къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя“... то все это совершенно вѣрно. Но этому отчасти способствуетъ отношеніе самого государства къ стачкамъ рабочихъ. Если правительственная власть въ каждой стачкѣ видитъ только опасное проявленіе безпорядка и, не входя въ существо и причины возникшихъ между рабочими и фабрикантомъ несогласій по поводу условій найма, требуетъ отъ рабочихъ, иногда въ ущербъ видимой справедливости ихъ жалобъ, немедленнаго возобновленія работъ, прибѣгая, въ противномъ случаѣ, къ арестамъ и удаленію рабочихъ на мѣсто родины, то этимъ оно, правительство, какъ бы принимаетъ на себя несвойственную задачу покровительства и защиты домогательствъ одной изъ спорящихъ сторонъ, т. е. работодателей“.

Здѣсь оффиціальный авторъ, правда, въ чрезвычайно мягкихъ, уклончивыхъ, чисто оффиціальныхъ выраженіяхъ, но все же довольно правильно, изображаетъ обычную роль государства въ постоянныхъ столкновеніяхъ между трудомъ и капиталомъ.

Но почему же рѣшается бюрократія измѣнить свое положеніе въ этихъ столкновеніяхъ? Почему прежнее благородное положеніе ея въ борьбѣ между рабочими и хозяевами теперь болѣе не нравится ей?

На эти вопросы оффиціальный авторъ отвѣчаетъ буквально слѣдующее:

„При такихъ условіяхъ рабочимъ трудно усвоить цѣль и значеніе средствъ, примѣняемыхъ Правительствомъ, которое, становясь между спорящими сторонами и обнаруживая строгія репрессіи по отношенію рабочихъ безъ нужды, является какъ бы врагомъ этихъ послѣднихъ, причемъ все накопленное неудовольствіе, а иногда и озлобленіе, цѣликомъ переносится съ фабрикантовъ на Правительство“.

Что же означаетъ собою „перенесеніе“ неудовольствія и озлобленія съ фабрикантовъ на правительство? Это означаетъ, что борьба рабочихъ за свои права переносится изъ экономической области въ область политики. Это означаетъ, что рабочее движеніе достигло той ступени развитія, на которой, логикой вещей, оно становится движеніемъ социал-демократическимъ. Это означаетъ, что рабочіе объединились и сознали свои силы. Это великое по своему значенію въ исторіи каждаго народа событіе совершается постепенно.

У насъ оно завершилось въ началѣ 1905 года.

Тогда то правительство догадалось, что его положеніе между рабочими и предпринимателями съ извѣстнаго момента можетъ оказаться даже не вполнѣ безопаснымъ и рѣшило уступить.

Таковы мотивы, измѣнившіе отношеніе властей къ стачкамъ, поскольку эти мотивы вскрываются безпристрастнымъ, непредубѣжденнымъ анализомъ оффиціальныхъ матеріаловъ.

„Исключительность указаннаго положенія фабрично-заводскихъ рабочихъ... не рѣдко создаетъ на практикѣ такіа

условія, благодаря которымъ рабочіе чувствуютъ себя обиженными несправедливымъ, по ихъ убѣжденію (?), отношеніемъ закона и власти... Этого обстоятельства ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ вида, во вниманіе того серьезнаго значенія, которое... существующее среди рабочихъ недовольство можетъ имѣть, въ смыслѣ созданія весьма благоприятной почвы для воспріятія тѣхъ же преступныхъ ученій“.

Этими заключительными словами третьей главы первой статьи официальныхъ матеріаловъ мы оканчиваемъ цитированье ихъ: все дальнѣйшее въ нихъ уже менѣе характерно, менѣе поучительно.

Читатель самъ сумѣетъ сдѣлать выводы изъ всего, изложеннаго выше.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

1. К. Каутскій „Аграрный вопросъ („Аграр. прогр.“)	ц. 25 к.
2. Его-же „Экономич. развитіе и обществен. строй“	„ 20 „
3. Его-же „Классовые интересы“	„ 4 „
4. К. Марксъ „Наемный трудъ и капиталъ“ II изд.	„ 5 „
5. Его-же „Итоги 48-го года“ (Разошлось)	„ 10 „
6. Его-же „18-се Брюмера Луи-Бонапарта“	„ 25 „
7. Ф. Энгельсъ „Къ крит. пол. экон.“ II изд. (Разошлось)	„ 7 „
8. Его-же „Отъ утоши къ научной теоріи“	„ 10 „
9. Его-же „Положеніе рабочаго кл. въ Англии“	„ 50 „
10. К. Каутскій и Б. Шенланкъ „Идеи марк. въ герм. раб. партіи“	„ 10 „
11. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ „Философія исторіи“	„ 5 „
12. Ф. Лассаль „Принципы труда въ современ. общ.“	„ 10 „
13. Его-же I. „Сущность конст.“, II. „Что же дальше?“	„ 8 „
14. В. Либкнехтъ „Робертъ Оуэнъ“	„ 5 „
15. Его-же „Наши цѣли“	„ 7 „
16. Его-же „Знаніе—сила“	„ 6 „
17. А. Бебѣль „Антисемитизмъ и коллективизмъ“	„ 5 „
18. П. Лафаргъ „Проданный аппетитъ“	„ 3 „
19. Его-же „Крестьянская собств. и экон. разв.“	„ 4 „
20. Его-же „Поклоненіе золоту“ (Религія капитала)	„ 5 „
21. Э. Вальянъ „Кризисъ и безработица“	„ 7 „
22. Г. Краузе „Происхожденіе антисем. въ Германіи“	„ 7 „
23. Лиля Браунъ „Женщина и политика“	„ 8 „
24. Энрико Ферри „Коллективизмъ и позит. наука“	„ 25 „
25. Штернъ „Вліяніе соц. усл. на всѣ отр. культ. жизни“	„ 5 „
26. „Амстердамскій конгрессъ“	„ 3 „
27. „Что такое рабочій день?“ пер. съ нѣм.	„ 8 „
28. Артуръ Арну „Мертвецы Коммуны“	„ 2 „
29. „Законодательные акты Франціи“	„ 20 „
30. „Ф. Энгельсъ“, біограф. очеркъ	„ 6 „
31. Гедъ, Лафаргъ, Вальянъ , біогр. очеркъ	„ 5 „
32. П. Юшкевичъ „Объ избирательномъ правѣ“	„ 7 „
33. С. Вржосекъ „Основы государ. устр. на Западѣ“	„ 7 „
34. Н. Рожковъ „О формахъ народ. представительства“	„ 5 „
35. Его-же „Эволюція хозяйствен. формъ“	„ 6 „
36. „Фердинандъ Лассаль“ біографическій очеркъ	„ 15 „
37. Поль Луи „Француз. мыслит. и дѣятели XIX в.“	„ 35 „
38. К. Каутскій . „Представительное правленіе“	„ 15 „
39. Октавъ Мирбо „Жанъ Рувъ“ (Дурные пастыри)	„ 8 „
40. Штернъ „Теорія приб. стоим. Маркса“	„ 5 „
41. П. Лафаргъ . „Историч. матеріализмъ“	„ 4 „

Лица, выписывающія изъ главнаго склада (С.-Петербургъ, Фонтанка, 52) на сумму не менѣе двухъ рублей, за пересылку не платятъ. Деньги просятъ посылать впередъ (можно и почтовыми марками). Книгопродавцы пользуются бесплатной пересылкой при заказахъ на сумму не менѣе 15 рублей (въ предѣлахъ Европейской Россіи и Кавказа).

